

воскресенье, 17-го января 1910 г.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Воскресенье, 17-го января 1910 г.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 13

Подписка съ доставкой и пересылкою:

На годъ . . . 7 р.—к. | На 3 мѣсяца . 3 р. 25 к.
На 1/2 года . . 4 р.—к. | На 1 . . . —р. 80 к.

За доставку адреса указывается 25 к., съ порознь на иностранную — 50 коп.

РЕДАКЦІЯ:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-на Н. Д. Сытина.
Телефонъ № 87-82.

Редакция для личныхъ сообщеній — съ 4 до 5 час.
Рукописи, не приняты редакціей въ печать, не возвращаются.

КОНТОРА:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-на Н. Д. Сытина.
Телефонъ № 82-83 и 88-87.

Контора открыта съ 9 час. утра до 6 веч.
Телефонъ телеграфа № 15-32.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Первая строка — 80 к., вторая — 40 к. за строку вверху.
Сторонняя соединит. 1 р. 25 к.

Прогресс и лев., внутри круга — 80 к. за разъ при размѣрѣ до 6-ти строкъ.

№ 13

ЦЕНА № 17. МОСКВА 3 К.
7 разослано въ 1910 году.

ЦЕНА № 17. МОСКВА 3 К.
7 разослано въ 1910 году.

ВЪ ПАМЯТЬ ЧЕХОВА.

Вспоминая сегодня о послѣднихъ годахъ жизни Чехова, невольно переносишься мыслью въ Ялту—въ уединенную бѣлую виллу, гдѣ догорали послѣдніе чеховскіе зори.

Тамъ все до сихъ поръ охраняется, какъ было при Чеховѣ, нѣжнымъ вниманіемъ любящихъ сердецъ. Въ чеховскомъ кабинетѣ съ цвѣтными стеклами такъ же стоитъ большой письменный столъ и такъ же расположены на столѣ всѣ письменныя принадлежности, какъ были при Чеховѣ. На краю стола—пачка нераспечатанной корреспонденціи, полученной по отъѣздѣ Чехова изъ Ялты. Сбоку у стола глубокое кресло, и стоитъ оно такъ же, какъ стояло и тогда...

Около кабинета небольшая свѣтлая и дѣвически-чистая спальня съ бѣлымъ одеяломъ на кровати. На столѣ, около кровати, недогорѣвшая свѣча, около подсвѣчника забытая запонка и полураскрытая баночка съ цинковою мазью...

И чудится, что вотъ-вотъ послышатся шаги, и загудитъ знакомый голосъ.

Но вмѣсто чеховскаго раздаются другіе голоса.

— «И всей этой обстановкѣ, быть-можетъ, предстоитъ такая же участь, какъ и знаменитому нишневому саду, перешедшему въ руки Лопухина?—говоритъ голосъ съ грустными нотами.—И кто знаетъ, можетъ-быть, эти милыя комнаты, въ которыхъ горѣло прекраснѣйшее человѣческое сердце, Лопухинъ отведетъ, ради политики, подъ полицейскій участокъ или сыскное отдѣленіе, какъ это было съ комнатами Пушкина въ Петербургѣ?».

— «Но это было бы ужасно, это при-

мо недопустимо»,—раздается другой голосъ.

Дѣйствительно, это недопустимо и это го не должно быть. Русское общество должно «иммунитировать» отъ Лопухиныхъ бѣлый чеховскій домикъ въ Ялтѣ и сдѣлать его національнымъ достояніемъ.

И среди друзей Чехова уже возникала мысль объ этомъ. Проентировалось, что кабинетъ и спальня Чехова останутся неприкосновенными и будутъ обращены въ чеховскій музей. Остальные же 7 комнатъ отойдутъ подъ пріютъ для нуждающихся въ теплѣ и солнцѣ обездоленныхъ писателей и артистовъ. Средства для пріобрѣтенія чеховской виллы предпологалось составить путемъ устройства концертовъ и пожертвованій.

Этой идее горячо сочувствуетъ и сестра Чехова, Марія Павловна, которой завѣщаль Чеховъ ялтинскую виллу пожизненно; въ случаѣ же продажи, деньги должны быть обращены «на просвѣтительныя цѣли города Таганрога».

Такимъ образомъ, национализируя ялтинскій чеховскій домъ, русское общество одновременно, исполнитъ и свой долгъ и осуществитъ наилучшимъ образомъ волю дорогого писателя.

Но необходимо, чтобы благіе порывы не оставались разсѣянными, какъ это часто бываетъ у насъ, а сосредоточились въ своемъ стремленіи и, напружая паруса, немедленно понесли корабль къ желаннымъ берегамъ.

Не претендуя на первенство, редакція «Русскаго Слова» готова немедленно внести и свой посильный вкладъ, въ видѣ обезпеченія одной комнаты въ ялтинскомъ чеховскомъ пріютѣ.